

Рисунки В. БЕКЕТОВА

Она сама была во всём виновата. Сама же дала повод к тому, чтобы нарушить душевный покой Андрея.

Хотя и пряталась за спиной подруг, но всё время ловила его взгляд. Каждый раз, когда Андрей оглядывался, он неизменно встречался с ее глазами. Своим умным и почему-то опечаленным взглядом Айшат как бы давала понять, что она уже любит, любит и ждет...

Остаться равнодушным к такой девушке, какой была Айшат, Андрей, конечно, не мог. Она понравилась ему с первого взгляда. Красивая и стройная, Айшат считалась здесь лучшей невестой. Уже через неделю после своего приезда в аул Андрей почувствовал, что это и есть та самая девушка, о встрече с которой он мечтал.

Долгое время Андрей так же, как и Айшат, старался скрыть свою любовь. Встречаясь, они разговаривали только о деле, — ему, агроному, всегда найдется о чем поговорить со звеньевой. Но однажды по воле случая им довелось оказаться в поле вдвоем, и они признались друг другу...

Всё складывалось для Андрея так, как желала душа, и он предложил Айшат стать подругой жизни. Но она ничего не ответила ему. Промолчала она и тогда, когда Андрей поклялся, что будет любить вечно и слову своему никогда не изменит. Она слушала, потупив взор, и, ничего не ответив, ушла, точно сказанное между ними было простой шуткой.

На другой день он не мог, как обычно, со свойственной для него прилежностью взяться за работу. Взволнованный, он вернулся с поля в контору колхоза и долго расхаживал из угла в угол. Не мог понять, почему ему отказала Айшат? Почему?

Захотелось с кем-то по-дружески поговорить. Андрей решил пойти к зоотехнику колхоза Ибрагиму — он был товарищем по институту.

Ибрагим слушал его внимательно. Смоляные, слегка вьющиеся волосы падали на его высокий лоб, глубокие глаза смотрели ласково.

- Я об этом догадывался, — сказал он. — Но Айшат не виновата.

- Но ведь отказала.

- А как же она могла поступить иначе? Ведь она дочь Фатимы...

- Ну и что же из того?

- Фатима старая женщина, она многого в нашей новой

жизни

не понимает. Она не отдаст за тебя Айшат.

- Почему же, если мы любим друг друга?— воскликнул Андрей.

Ибрагим многозначительно посмотрел на него.

- Видишь ли, Андрей. Есть у нас еще в ауле люди, а особенно старики, с предрассудками, крепко держатся еще они за старые обычаи, считают большим грехом, если ногайка становится женой человека другой национальности. Вот и Айшат...

Андрей понял всё. Так вот почему Айшат потупила взор, когда он предложил ей стать его женой. Она была бы и рада согласиться, но мать! Бедная Айшат, она хорошо знала, мать не позволит ей и думать об Андрее.

В груди его клокотал протест против страшного обычая: он велит выбросить из сердца любовь, но разве Андрей может забыть Айшат! Нет, никогда! Но что же делать? Ведь Айшат подчинится воле матери...

Андрей тяжело вздохнул. Он уже собрался уйти от Ибрагима: что ж, раз так, придется найти в себе силы выбросить из сердца Айшат, придется ее забыть. Но тут Ибрагим встал из-за стола и, обняв его за плечи, сказал:

- Ты подожди, не отчаивайся, друг. Я, может быть, тебе помогу. Сегодня вечером схожу в дом Абдуловых, поговорю с Фатимой. Ведь как она ни стара, а у нее тоже есть в груди сердце...

До чего же длинна была у старой Фатимы эта ночь! Уже и петухи перекликнулись по дворам, а за окном, как и прежде, было черно и непроглядно. Звезды горели в небе тем же ярким ночным огнем. Казалось, что остановилось само время, хотя часы-ходики продолжали стучать и мерно отсчитывать пройденные минуты.

Так и не смогла уснуть она в эту ночь. Старой Фатиме не давали покоя мысли о судьбе своей единственной дочери Айшат. Ведь до тех пор, пока не рассказал ей Ибрагим, она даже не подозревала, что Айшат уже любит. Да, любит, так, несчастная, любит, что проплакала потихоньку весь вечер и сейчас, кажется, не удержит своих слез.

Полюбила, но кого, о горе! Если б довелось узнать об этом ее отцу, гнев поднял бы его из могилы. У самой Фатимы потемнело в глазах, когда Ибрагим сообщил, что она должна ожидать в своем доме колхозного агронома Андрея Калюжного.

Нет, не бывать этому никогда! Пусть Айшат изольется слезами, но Фатима всё равно не согласится выдать ее замуж за человека, в жилах которого течет не родная кровь, который не родился здесь, которого узнали в ауле всего лишь полгода тому назад.

В хате было тихо, так тихо, что отчетливо было слышно, как где-то за печкой мурлычит кошка возле своих еще не прозревших котят. Не спала Фатима, но не спала и Айшат — это старая Фатима определила по ее частым вздохам под одеялом. Она вздыхала так тяжело, что каждый ее вздох отдавался в сердце старой Фатимы мучительной болью.

А ведь когда-то и она так тяжело вздыхала ночами, может быть, еще глубже и тягостнее...

Сколько лет прошло с тех пор, когда она не смогла скрыть слезы даже от своего жениха.

Горячую слезу Фатима уронила прямо на его щетинистую щеку, — и он, нелюбимый, ку-

пивший ее за богатый калым, посчитал своим правом прямо на свадьбе, на глазах всех гостей, на глазах всего родного аула, ударить ее по лицу. И после он долго мстил ей за эту слезу, мстил потому, что знал: Фатима, самая красивая девушка на Зеленчуке, не девушка, а майский цветок, любила не его, а черкеса Анзора — стройного, как молодой тополек, табунщика-сироту у князя Туганова.

Вспомнила старая Фатима про свою загубленную молодость и сама, не замечая того, тяжко-тяжко вздохнула под своим одеялом.

Любовь! Что ж тут таить от самой себя: она осталась в памяти старой Фатимы, как потухающий на глазах след сорвавшейся с неба звезды. Только след, а где была сама звезда, Фатима так и не увидела. Любовь ее сгнула в самом своем начале; ее чистая, святая любовь пропала во тьме.

И пропала лишь потому, что ее родители — отец и мать — не захотели слышать об Анзоре — у него была чужая кровь.

Вспомнила об этом старая Фатима и сама не заметила того, как ее глаза наполнились слезами. Всё она забыла «своей жизни, а этого забыть не могла.

Подтянув на лицо край простыни, Фатима вытерла глаза и вдруг почувствовала, что больше не может лежать в постели. Она встала. Уже начинало светать и хата наполнялась отблесками восходящего солнца. Зеркало глянуло на нее из угла золотым отражением наступающего дня.

Тот стул, на котором вечером сидел Ибрагим, так и остался стоять у порога. Пройти к столу он не захотел — оттуда с порога он сказал: «Когда люди любят друг друга, они становятся родными, несмотря ни на что. Ведь любовь сильнее всего».

«Ты, Ибрагим, еще очень молод, но ты, Ибрагим, прав. Этому трудно сейчас поверить, но и у Фатимы тоже была любовь. Всё она забыла в своей долгой жизни, но своей любви не забыла — любовь и в самом деле сильнее «сего».

Фатима поставила стул на свое место, набросила на плечи шаль и тихо подошла к кровати Айшат. Она, видимо, только что уснула. Закинув свои белые руки за голову, дочь лежала спокойно, уже забыв про свою горе. Как хорошо, что на свете есть сон: в свое время Фатима сама забывала горе только во сне.

Жаль было потревожить ее сон, но иначе Фатима поступить сейчас не могла. Надо было сказать дочери о ее прилетевшем вместе с

этим рассветом счастье. Если у самой Фатимы его не было, то оно пришло к ее дочери.

- Айшат! — тихо сказала Фатима, осторожно и ласково тронув рукой выброшенную на грудь нерасплетенную косу дочери. — Айшат, что же ты не сказала, когда у тебя будет свадьба?

Перевод с ногайского
И. ЧУМАКА.